

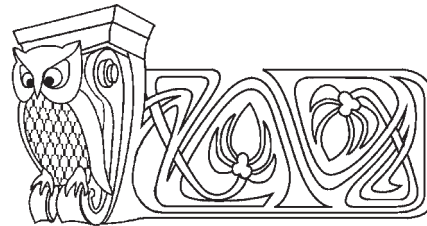
- ⁸ Солодухо Н. М. Бытие и небытие как предельные основания мира // Вопр. философии. 2001. № 6. С. 176–184.
- ⁹ См.: Коган Л. А. Закон сохранения бытия // Вопр. философии. 2001. № 4. С. 56–69.
- ¹⁰ См.: Прохоров М. М. Бытие и уровни его определения // Философия и общество. 2008. № 4. С. 24–44.
- ¹¹ Быченков В. М. Институты : сверхколлективные образования и безличные формы социальной субъективности. М., 1996. С. 380.
- ¹² См.: Кули Ч. Х. Человеческая природа и социальный порядок. М., 2000. С. 19, 36.
- ¹³ См.: Рыбалка Е. А. Пространства самореализации личности : опыт философской концептуализации // Философия права. 2008. № 3. С. 92–96.
- ¹⁴ Каган М. С. Метаморфозы бытия и небытия. К постановке вопроса // Вопр. философии. 2001. № 6. С. 52–67.

УДК 001.8

СХЕМЫ В ОБЩЕЙ МЕТОДОЛОГИИ

Д. И. Филатов

Саратовский государственный университет
E-mail: d_filatov87@mail.ru

Статья посвящена анализу статуса схем и выражающих их графических изображений, используемых в общей методологии. Рассматривается соотношение пространственных изображений и динамического содержания, выражающихся схемами. Проводится анализ статуса схематизации в общем ряду познавательных способностей человека и соотношения схем с эмпирическими данными и теоретическими конструктами. Через анализ тех стратегий, которые предлагаются исследованиями в общей методологии, производится соответствующий анализ адекватности и релевантности выражения схем графическими изображениями. **Ключевые слова:** методология, научное знание, схемы, графические средства.

Schemes in General Methodology

D. I. Philatov

This article is devoted to analysis of status of the schemes and expressing their graphic images in general methodology. The correlation of spatial images and dynamic content can be expressed by schemes. The analysis of the status of schematization in the overall number of cognitive abilities, and the relation schemes to empirical data and theoretical constructs is given. Through the analysis of strategies that offers general methodology's researches the appropriate analysis of adequacy and relevance of the expression patterns graphics is given. **Key words:** methodology, scientific knowledge, schemes, graphic schemes.

Рассмотрение вопросов схем и схематизма, как это хорошо известно, было инициировано известным немецким философом И. Кантом. В своём основополагающем труде «Критика чистого разума» Кант отводит этим вопросам целую главу¹. При этом не может не обращать на себя внимания особая функциональная нагрузка схематизма, вписанного в систему познавательных способностей человека: уже самим Кантом эксплицитно указывается, что схемами *координируются* категории разума и эмпирические данные чувств.

Такое «представление должно быть чистым (не заключать в себе ничего эмпирического) и тем не менее, с одной стороны, *интеллектуальным*, а с другой – чувственным»². В соответствии с учением Канта именно схемы лежат «в основе наших чистых чувственных понятий»³ и только схематизм открывает условия возможности достижения синтетического единства умопостигаемого и чувственного миров. Развитию вопросов данного круга посвящены разработки известного российского методолога, философа и системного аналитика Г. П. Щедровицкого и участников созданного им Московского методологического кружка (ММК).

Исследователи предпринимают попытку синтеза и интеграции различных, как кажется, разделённых, по сути, подходов в изучении схематической активности сознания, отвечающей за целостность последнего, его упорядоченность и связность. Вместе с тем грубой ошибкой нам представляется попытка использования *графических изображений* в качестве средства фиксации и трансляции чистого динамического содержания схем – «рассудочных понятий». Данная статья посвящена анализу этой ошибки и поиску путей её исправления, исключающих использование каких-либо графических схем.

Итак, авторы исходят из того, что «фактически каждый объект задан через движение по нему»⁴. Логика этого движения, направление по материалу определяются либо соответствующей схемой, либо природой материала. Считается, что так называемый *естественный*, или же «повседневный опыт интерпретирует наблюдения, ибо без теоретической интерпретации наблюдения остаются слепыми – неинформативными»⁵. В этом контексте традиционно принято говорить о так называемой *теоретической нагруженности*

факта, вторично организуемой особой функцией схематизма сознания: «...схема является результатом рефлексивного анализа того, что есть. И эта рефлексия связывает всякую схему с реальностью. Но связь эта опосредована...»⁶. Таким образом, единицей организации содержания общей методологии являются *схемы* – динамические композиции, как и у Канта.

Но пространственное понимание схем оказывается неприемлемым ввиду своей скудости и ограниченности, охватывая лишь такой тип изменений как перемещение. При этом уже «аристотелевская динамика была общей теорией изменения, охватывая перемещение, качественное изменение, возникновение и развитие»⁷. Это ставит под вопрос возможность употребления графических изображений любой мерности с задачами описания сложных динамик ментальных схем. С другой стороны, мы имеем десятки и сотни различных графических изображений, с помощью которых участники ММК пытались описывать предметы своих поисков: «схема многоплоскостной организации знаний», «схема мыследеятельности», «схема воспроизводства деятельности» и многие другие⁸.

Методологическая работа в первую очередь «связана с тем, с чего начинать и откуда идти»⁹, что не может быть удовлетворительно интерпретировано в пространственном смысле, включающем лишь направление «физического» движения. Общая методология, описывающая когнитивные пути процессов мышления, понимания, рефлексии и различных иных (коммуникативно-дискурсивных, культурно-исторических, личностных и т. д.), не может оперировать пространственными (а тем более плоскостными) изображениями в описании динамики подобного рода. Например, методологически описывая пути мышления, не проходящие через пространственное перемещение, «я должен выстроить это всё в линейку, поскольку время – “сначала”, “потом” – предполагает такое выстраивание, но этого сделать в мыслительных процессах невозможно, и мыслительные процессы никогда так не идут»¹⁰. Тем самым попытка изобразить в *статичном линейном*, пусть и многомерном, виде подобного рода процессы обречена на провал. Более того, за счёт различных механизмов «то, что было в схеме, на каждом шаге не уходит и не пропадает, а всё время удерживается и сохраняется – прошлое целого всё время входит в настоящее и переходит в будущее»¹¹, но сохранение или удержание каждого из шагов не поддаётся изображению в виде графической схемы. И далее: «...движение (Be-wegung), шаг за шагом, не есть здесь сущностное. Мышление прокладывает себе путь только в ходе вопрошания»¹². Таким образом, выявляется полная невозможность использования каких-либо отчуждённых материалов, средств и способов трансляции или же передачи схем от одного человека другому, вытекающая из невозможности графических и пространственных

вообще изображений схем, что сужает типы этой трансляции до прямого канала в системе «человек – человек», в границах которой использование таких графических схем допустимо в качестве дополнительного подспорья развития процесса.

Очевидно, что пространственная интерпретация динамики данной природы принципиально не способна схватить, зафиксировать и описать всю сложность, многомерность и нелинейность её развёртывания, но это не лишает нас возможности употребления графических и пространственных моделей *в контексте соответствующих системных соотношений*. Например, употребление категории «пространство» в методологии всегда иррелевантно и редуцировано, ибо «это прокладывание пути особенное. Проложенное не остаётся позади лежащим, а встраивается в следующий шаг и протраивается уже перед ним»¹³. Вышесказанное не исключает использования графики, включённой в соответствующие системы передачи информации через невербальные и психоментальные каналы, но требует введения *дополнительных нормирующих и ограничивающих процедур*, так как, расширяя и углубляя *кантовские* построения о схематизме, методология рассматривает её развёртывание не как бескачественное и свободно парящее, а в виде строго детерминированного процесса. Одним из следствий употребления графических средств может быть вред, причиняемый процессу передачи схемы.

Поскольку схемы выражают некое завершённое ментальное движение, они «являются средствами организации нашего движения по материалу (или в материале) и формами, выделяющими в материале определённое содержание»¹⁴, но сложность этого материала делает его пространственно ирредуцируемым и не может быть описана в соответствующем языке, реально включая в себя гораздо более богатый и широкий спектр динамических и темпоральных планов, параметров, аспектов и измерений. Любые пространственные изображения схем и пути репрезентируют сущностным образом редуцированное содержание по отношению к реально искомому – динамическому¹⁵.

Развёртывая схемы, на «своих путях» присутствие не вымеряет отрезок пространства как наличную телесную вещь, оно не «пожирает километры»¹⁶. Осуществляемое движение происходит на «переходах через границы пространства, на входах и выходах из него»¹⁷, но никогда – в самом «пространстве». Соотнося интересующее методологию движение с «монадологией» Лейбница, можно быть уверенным, что движение в данном случае осуществляется *между* монадами¹⁸, а не в границах какой-либо из них. Соотнесение с «монадологией» приобретает особую критичность в раскрытии вопроса путей «*транслокации*» – движения из монады в монаду, – ключ от которой сокрыт в ней же самой (преодоление таких путей не сопряжено с преодолением пространств¹⁹):

«... между вещей – указывает не на локализуемое отношение, идущее от одного к другому и обратно, а на перпендикулярное направление, трансверсальное движение, уносящее одно и другое, ручей без начала и конца, подмывающий свои берега и разгояющийся посередине»²⁰. Как следствие, в трудах по общей методологии графическая схема может употребляться лишь как дополнительное средство.

Ввиду того что познавательные способности человека представляют собой сложную многомерную дифференцированную целостность, никакая реальная схема, понятая как некое ментальное схватывание динамических характеристик в сознании, не может быть представлена в линейной цепочке тех или иных событий или движений, поскольку подобную возможность исключают количество таких схем, параллельно развёртывающихся в сознании, и уровень сложности отношений между ними (например, этапы параллельного развёртывания, между которыми происходит их связывание).

В дополнение и вопреки рассмотренному выше надо сказать, что графические изображения, используемые в практике схематизации ММК, строятся с использованием различных приёмов (в частности, логического и даже математического характера), с помощью которых осуществляется преодоление некоторых ограничений пространственных изображений. В частности, к таковым относятся:

введение исходных, отправных позиций и точек, позволяющее строить схемы на принципах фрактальности и позиционности размещения элементов, что, разумеется, подключает и соответствующее концептуальное измерение;

разметка вертикальных границ симметрии схемы, относительно которых определяется направление соответствующих отношений между элементами (в частности, иерархических, генетических, исторических отношений, приоритетов, включённости и т. д.);

поляризация и инверсия элементов схемы относительно этой границы симметрии, где основание (рабочий принцип) является концептуальным фоном, но продолжает выполнять свою организующую роль;

разметка горизонтальных пороговых границ, организующих поле работы для неоднородных единиц;

включение в схемы каркасных и структурных начал, в частности рамок различных типов (сплошных, прерывистых и т. д.); связей, стрелок и полустрелок (первые понимаются как лишённые направления или интенции); разнокачественных меток (штрихи, звёздочки и т. д.);

нумерация и индексирование элементов схемы, что позволяет достраивать прилагающуюся экспликацию свойств этих элементов;

различные общеметодологические приёмы, например отсутствующие или же *пропущенные* элементы.

Такова, например, «схема мыследеятельности» – основная из всех разработанных в Московской методологической школе²¹. Графически данная схема изображает асимметричную пару коммуникантов в горизонтали (где в правой части имплицитруется так называемый Другой), разложенных на три иерархически соположенных пояса (верхний – «чистого мышления», нижний – «мыследеятельности», средний – коммуникативный), каждый из которых может быть подвергнут редуцирующей автономизации, «упаковке» в смежные пояса, фокусировке на иных элементах, внутренней поляризации и т. д. (интересно, что графическое изображение на этой схеме ставит в центр пропущенный элемент, вокруг которого размещены две широкие прямые стрелки и выше – одна полукруглая). Принципиальное значение в графическом изображении данной схемы имеет горизонтальная поляризация коммуникантов, раскрывающая природу теоретического содержания данного изображения, схватывающего возможные пути коммуникации. Вместе с тем использование подобного рода приёмов, тем не менее, не только не отменяет пространственного принципа в построении графического изображения, но лишь приводит к его *радикализации* (в первую очередь использование вертикалей и горизонталей в построении изображения).

Резюмируя рассмотренное, следует сформулировать следующий вывод: такая нетривиальная находка Г. П. Щедровицкого и участников Московской методологической школы как графическая схема может употребляться в исследованиях по методологии, однако должна рассматриваться не как средство прямой и непосредственной передачи ментального схематизма, а как дополнительное – опосредованной и отчуждённой трансляции, – требующее, благодаря своей функции, включения в контекст коммуникации «человек – человек». Следовательно, согласуясь с динамическим пониманием природы схемы Канта, методология вынуждена отказаться от переоценки роли графических изображений.

Примечания

- ¹ Глава «О схематизме чистых рассудочных понятий» (см.: Кант И. Критика чистого разума. М., 2006. С. 157–164).
- ² Там же. С. 158.
- ³ Там же. С. 159.
- ⁴ Щедровицкий Г. П. Знак и деятельность : в 3 кн. М., 2005. Кн. I. С. 144.
- ⁵ Поттер К. Р. Предположения и опровержения : Рост научного знания. М., 2008. С. 319.
- ⁶ Щедровицкий Г. П. Методология и философия организационно-управленческой деятельности: основные понятия и принципы // Из архива Г. П. Щедровицкого : в 11 т. М., 2003. Т. 5. С. 240.
- ⁷ Фейерабенд П. К. Против метода. Очерк анархистской теории познания. М., 2007. С. 111.

- ⁸ См.: Щедровицкий Г. П. Схема мыследеятельности // Щедровицкий Г. П. Избр. тр. М., 1995. С. 281–298.
- ⁹ ОДИ-1. Организационно-деятельностные игры. М., 2006. С. 398.
- ¹⁰ Там же. С. 276.
- ¹¹ Там же. С. 701.
- ¹² Хайдеггер М. Что зовётся мышлением? М., 2007. С. 262.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ ОДИ-1. С.136.
- ¹⁵ В этом смысле полоса, оставляемая мелом на доске, – лишь скудный двухмерный пространственный след, оставленный мелом в процессе и результате прохождения того или иного пути; и даже многомерное пространственное изображение схем и пути всегда несоразмерно и неадекватно.
- ¹⁶ Хайдеггер М. Бытие и время. СПб., 2002. С. 106.
- ¹⁷ ОДИ-1. С. 615.
- ¹⁸ А ведь «явно случаются коммуникации несоизмеримых вещей» (см.: Мамардашвили М. К. Психологическая топология пути. СПб., 1997. С. 274), т. е. несоизмеримых монад.
- ¹⁹ Перемещение является лишь одним из типов изменения (движения) вообще.
- ²⁰ Делёз Ж. Тысяча плато : капитализм и шизофрения. Екатеринбург ; М., 2010. С. 45.
- ²¹ См.: Щедровицкий Г. П. Схема мыследеятельности – системно-структурное строение, смысл и содержание // Щедровицкий Г. П. Избр. тр. С. 281–299.

УДК 159.922.4

НЕКОТОРЫЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ СУЩНОСТИ И СОДЕРЖАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА

Ж. В. Четвертакова

Военный авиационный инженерный университет (г. Воронеж)
E-mail: zhanhalf@mail.ru

В статье рассматриваются теоретические аспекты подходов к определению содержания национального характера, влияние культурных архетипов и стереотипов, этнических стереотипов, констант на формирование национального характера, чувств, проявляющихся в эмоционально окрашенном отношении людей как к своей этнической общности, формам жизни, так и к другим народам.

Ключевые слова: культура, национальный характер, культурные архетипы, культурные стереотипы, этнические стереотипы, этнические константы, национальные чувства, национальный темперамент, уровни национального характера, культурная модель национального характера.

Some Approaches to the Definition of the Substance of National Character

Zh. V. Chetvertakova

The article deals with theoretical approaches aspects towards the national character substance definition, the influence of cultural archetypes, cultural stereotypes, ethics stereotypes, ethics constants upon the forming of the national character, the forming of the national feelings which are revealed in the emotionally coloured attitudes of the people both towards their own ethnic community, forms of life and other peoples.

Key words: culture, national character, cultural archetypes cultural stereotypes, ethnic stereotypes, ethnic constants, national feelings, national temperament, national character levels, national features model.

Национальный характер – явление многогранное. Для того чтобы составить целостное представление о его сущности и содержании,

необходимо описывать его как многоаспектное явление. К возможным элементам национального характера относят: «психологический склад», «душу нации», «особую комбинацию психических сил нации», «константы жизненных позиций, модели поведения, эмоции, настроения», «уклад национальной бессознательной духовности», «стереотипы мышления и поведения», «культуру нации», «предубеждение», «образ» и др.¹ При изучении национального характера как феномена культуры могут быть использованы различные методологические парадигмы². Традиционно выделяют следующие: изучение конкретной исторической эпохи с использованием этнографических наблюдений; анализ различных видов искусства, устного народного творчества; выявление психологических особенностей с использованием проективных методик; применение семантико-методологических позиций, в рамках которых изучаются сны, жесты, позы и т. д.; этнопсихологический аспект; построение «образа народа» и выявление характерных черт через антитезу «мы – они»; использование бинарных позиций; изучение пространственно-временных представлений в той или иной картине мира. Ведущим является комплексный подход: он объединяет историко-психологическую и социокультурную трактовки данного термина и опирается на положение «человек есть часть культуры»³.

Опираясь на некоторые основополагающие принципы при определении содержательной стороны национального характера, ряд ученых